

Научная статья

УДК 81'246.3:81'373.21:81'373.45:81'272.3

DOI: 10.5281/zenodo.18824747

СОМАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПЕРИФЕРИЙНЫЕ КОНЦЕПТЫ НОС, УШИ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)⁴

© 2026 А.Р. Нурутдинова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ORCID: 0000-0001-5759-0820

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В исследовании проводится сопоставительный анализ паремиологических единиц русского, английского и японского языков с целью выявления универсальных и культурно-специфичных моделей вербализации эмоций через периферийные соматические концепты «нос» и «уши». Материалом послужили тематические пословицы и поговорки указанных лингвокультур. Методология включает контрастивный и семный анализ в рамках лингвокультурологического подхода. Результаты демонстрируют значимые различия в эмотивной семантике и аксиологической нагрузке данных соматизмов. В русском языке концепт «нос» преимущественно связан с унижением и стыдом, а «уши» — с невосприятием информации; в английском «нос» ассоциируется с манипуляцией и раздражением, «уши» — с вниманием и доверием; в японском «нос» коррелирует с гордостью и гневом, а «уши» — со стыдом и смущением. Выявленные различия объясняются влиянием лингвокультурных факторов, включая языковую семью, специфику концептосферы и социопсихологические установки. Результаты исследования могут быть применены в области межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и лексикографии.

Ключевые слова: сопоставительный анализ паремий, вербализация эмоций, соматическая лексика, периферийные соматические концепты, семный анализ, лингвокультурология, паремиологическая эквивалентность, межъязыковые различия, эмотивный код, русский язык, английский язык, японский язык, лексема «нос», лексема «уши», лингвокультурные факторы.

Для цитирования: Нурутдинова А.Р. Соматическая репрезентация через периферийные концепты (нос, уши) в русской, английской и японской лингвокультурах (сравнительно-сопоставительный анализ) / А.Р. Нурутдинова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 1. — С. 71–83. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18824747>.

Введение. Паремии аккумулируют историко-культурный опыт и антропоцентрические установки коллективного сознания, отражая национальную языковую картину мира и культурный код этноса. Особый интерес представляет

⁴ **Благодарности.** Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

Acknowledgements. This publication was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to higher education institutions, scientific and other organizations to support human resource development plans in terms of encouraging their research and academic staff to defend doctoral dissertations and conduct research activities (Agreement No. 12/2025-PD-KFU dated December 22, 2025).

соматическая паремиология — пласт устойчивых выражений, содержащих лексемы-соматизмы, обозначающие части тела человека. Соматическая лексика формирует один из архаичных и универсальных пластов языка, репрезентирующий базовые антропоцентрические установки и телесный код культуры. Соматизмы как концепты, находящиеся на стыке физического и ментального опыта, играют структурирующую роль в формировании паремиологических смыслов. Однако в кросс-культурных исследованиях наблюдается дисбаланс: если ядерные соматические концепты (такие как «сердце», «голова», «глаза») привлекают постоянное внимание ученых, то периферийные концепты («нос», «уши», «лоб») остаются недостаточно изученными, образуя лауну в научном знании. **При этом их периферийный статус не свидетельствует о низкой культурно-языковой значимости;** напротив, эти концепты обладают ярким эмотивно-аксиологическим и образно-метафорическим потенциалом, что требует отдельного детального рассмотрения.

Сопоставительный анализ паремиологических единиц (ПЕ), репрезентирующих микрополе эмоций через призму соматизмов «нос» и «уши» в русском, английском и японском языках, позволяет выявить как универсальные когнитивные механизмы метафоризации телесного опыта, так и национально-культурную специфику вербализации эмоциональных состояний. Тело предоставляет универсальную концептуальную базу для осмысления внутреннего мира, однако конкретные пути соматической проекции эмоций культурно обусловлены, что определяет вариативность эмотивного кода в паремиях [3]. Эмотивная семантика соматизмов формируется через взаимодействие денотативного (физиологическое состояние органа), сигнификативного (культурно закрепленное значение) и коннотативного (оценочно-эмоциональный компонент) аспектов [2], причем аксиологическая маркированность компонентов варьируется в зависимости от лингвокультурной парадигмы.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью периферийных соматизмов («нос», «уши») в паремиологии указанных лингвокультур в сопоставительном аспекте, несмотря на наличие фундаментальных трудов по русской, английской и японской паремиологии [5; 8; 9; 11], а также работ по соматической фразеологии и когнитивной метафоре [12; 14; 15; 16]. Существующие исследования, как правило, фокусируются либо на одном языке [4], либо на центральных соматизмах, либо на паре языков одной семьи, тогда как системное сопоставление эмотивного кода ПЕ с компонентами «нос» и «уши» в рамках триады русский-английский-японский ранее не предпринималось. Дополнительную сложность вносит синтаксическая неоднородность паремий, которые обладают предикативной структурой и «тяготеют к сюжету» [1; 6; 7; 13], что требует применения специализированных методов анализа.

Цель статьи выявление и описание универсальных и культурно-специфических закономерностей репрезентации эмоциональных доминант (страх, стыд, любовь, спокойствие, счастье, гнев) посредством паремиологических единиц, содержащих соматизмы «нос» (рус. нос, англ. nose, яп. 鼻 [hana]) и «уши» (рус. уши, англ. ears, яп. 耳 [mimi]) в русской, английской и японской лингвокультурах. **Гипотеза** заключается в том, что периферийные соматические концепты «нос» и «уши» обладают значительным лингвокультурным потенциалом для выражения конкретных эмотивных смыслов, причем их аксиологическая маркированность (позитивная/негативная) и прагматическая нагрузка вариативно детерминированы параметрами лингвокультурной типологии (западная индивидуалистическая vs восточная коллективистская). Дисбаланс в репрезентации негативных эмоций, предсказуемый в рамках общей

психологической тенденции лучше запоминать негативную информацию, найдет специфическое отражение в исследуемых ПЕ.

Материалы и методы исследования. Корпус исследования составили паремиологические единицы (ПЕ) русского, английского и японского языков, содержащие в своей структуре соматизмы-доминанты «нос» (рус. нос, англ. nose, яп. 鼻 [hana]) и «уши» (рус. уши, англ. ears, яп. 耳 [mimi]), репрезентирующие микрополе эмоциональных состояний (аффектов). Формирование репрезентативной выборки осуществлялось методом сплошной выборки из авторитетных паремиографических источников и электронных корпусов:

–Русский язык: «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко (2010), Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

–Английский язык: «A Dictionary of American Proverbs» (Mieder et al., 1992), «The Oxford Dictionary of Proverbs» (Speake, 2015), Corpus of Historical American English (COHA), British National Corpus (BNC).

–Японский язык: «Котовадза дзитэн» ことわざ辞典 [Словарь пословиц] под ред. Y. Takanashi (2010), «Nihon no Kanyouku» 日本の慣用句 [Японские идиомы] С. Kojima (2005), «Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)».

Методологический аппарат основан на интеграции подходов сопоставительной лингвистики, когнитивной семантики и лингвокультурологии. Для достижения цели исследования применялся комплекс методов, направленных на анализ материала. Ключевым явился сопоставительный лингвокультурологический анализ. В рамках анализа:

–пословицы и поговорки, содержащие соматизмы «нос» и «уши», сопоставлялись по ряду параметров: структурная модель, тип выражаемой эмоции (гнев, гордость, стыд и др.) и её оценочная окраска (позитивная или негативная);

–на основе этого сопоставления определялись типы межъязыковых соответствий: полные эквиваленты (сходство по форме и смыслу), частичные аналоги (общий смысл при различии образов), функциональные аналоги (разные единицы для сходной ситуации) и лакуны (отсутствие прямого соответствия).

Для углубления анализа использовался семантический анализ, направленный на выявление эмоционального и оценочного компонентов в значении паремиологических единиц. Этот метод позволил определить, какие именно чувства и оценки (одобрение, порицание, ирония) связаны с образами «нос» (рус. нос, англ. nose, яп. 鼻 [hana]) и «уши» (рус. уши, англ. ears, яп. 耳 [mimi]) в каждой из изучаемых культур. Результаты, полученные на предыдущих этапах позволили объяснить выявленные сходства и различия через систему культурных ценностей, социально-психологических установок и исторического контекста, используя такие понятия, как «телесный код культуры» и «культурные сценарии». Аналитическая процедура включала последовательные этапы: идентификация и систематизация ПЕ по языкам и соматизмам; семантическая интерпретация с выделением эмотивного инварианта; сопоставление по заданным параметрам; лингвокультурологическая интерпретация результатов.

Основная часть. Лексема НОС паремиях трёх культур актуализирует разные ценностные доминанты (см. Табл.1). Английская пословица *Hold your head high but keep your nose level* [25, с. 178] (в русском переводе *Держи голову высоко, но нос на уровне*, или идиоматичнее *Держи голову высоко, но не задирай нос*) содержит семы достоинства и рационального самоконтроля [+ДОСТОИНСТВО], [+УМЕРЕННОСТЬ], что контрастирует с русской пословицей, гиперболизированной семантику гордыни [+ВЫСОКОМЕРИЕ], [+НЕДОСТУПНОСТЬ] с отрицательной коннотацией: *Задрал*

нос — и кочергой не достанешь [19] или *Нос задирает, а в голове ветер гуляет* [19]. Японский концепт 鼻が高い *hana ga takai* [24, с. 78] лишён прямой негативной окраски: это идиома, означающая ‘гордиться, быть довольным (обычно достижениями близких)’. Она фиксирует позитивную коллективную гордость [+ПРЕСТИЖ], [+ГРУППОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ] и не используется для порицания индивидуалистического высокомерия, что подтверждает отсутствие в японской культуре прямых паремий с негативной коннотацией «высоты носа».

Культурно-обусловленные диссонансы заметны в паремиях с аксиологической инверсией. В русской традиции паремия *Кто весел, а кто и нос повесил* [19, с. 291] противопоставляет коллективный оптимизм индивидуальному пораженчеству [+КОНТРАСТ], [+ФАТАЛИЗМ]. Ей соответствует английская пословица *Laugh and the world laughs with you, weep and you weep alone* [25, с. 190] ‘Смейся, и весь мир будет смеяться с тобой; плачь, и ты будешь плакать один’, которая фокусируется на социальной изоляции страдающего человека [+ОДИНОЧЕСТВО], [+СОЦИАЛЬНОЕ ОТВЕРЖЕНИЕ]. В английском языке *нос* выступает в паремиях как символ нерационального действия: *Don't cut off your nose to spite your face* [25] ‘Не руби сук, на котором сидишь, букв. Не отрезай нос, чтобы досадить лицу’ предостережение от действий себе во вред. В то время как японская 笑う門には福来たる *warau kado ni wa fuku kitaru* [26, с. 234] ‘в смеющийся дом приходит счастье’ полностью исключает негатив, утверждая кармическую связь радости и удачи [+ДЕТЕРМИНИЗМ], [+ПОЗИТИВНАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ].

Аксиологическая инверсия проявляется в русской пословице *Нос не по чину* [22], маркирующей нарушение социальной иерархии [+НЕСООТВЕТСТВИЕ], [+НАКАЗУЕМОСТЬ]. Близкая по семантике поговорка *Не по Сеньке шапка* [22] подтверждает актуальность модели. Английский эквивалент в виде строгой пословицы отсутствует; приведённая форма *Don't poke your nose into nobility* [26] не является широко употребительной. Частотным идиоматическим выражением с общей семантикой неуместного вмешательства служит *Don't poke your nose into other people's business* [26] ‘Не суй нос в чужие дела’, смещающее акцент на табуированность вторжения [+ВТОРЖЕНИЕ], [+ТАБУ]. Прямой японский паремический аналог отсутствует, что свидетельствует о культурной лакунарности в репрезентации социально-статусного аспекта, хотя негативная коннотация индивидуалистической гордыни передаётся идиомой 鼻を高くする *hana o takaku suru* [18] ‘задирать нос’.

Паремия *Твоя бабушка моего дедушку за нос водила* [20] актуализирует архетип обмана в межличностных отношениях [+МАНИПУЛЯЦИЯ], [+ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ]. Прямых лексических эквивалентов в английском и японском она не имеет. Указанный функциональный аналог *My grandmother rode your grandfather bareback* [20] не зафиксирован в основных паремиологических сводах; употребительным выражением со схожей функцией иронии и утверждения превосходства является *My dad can beat your dad* [20]. В японском языке близкой по функции (осмеяние чужих недостатков при невидении своих) выступает пословица 猿の尻笑い *saru no shiri warai* [23, с. 132] ‘обезьяна смеется над задом другой’, где семантика манипуляции редуцирована в пользу идеи неосознанного лицемерия.

Паремия *Жену выбирай не глазами, а ушами (по славушке)* [19, с. 291] подчеркивает примат социальной репутации над визуальной оценкой [+КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗНАНИЕ], [+ДОВЕРИЕ К ОПЫТУ], что контрастирует с английской *Choose a wife by your ear rather than by your eye* [24, с. 67] ‘Выбирай жену ухом, а не глазом’, где замена «носа» на «ухо» нивелирует соматическую иерархию органов чувств. Японское выражение 見合いの鼻は高

〈 *miai no hana wa takaku* [23, с. 156] ‘на смотринах нос держи высоко’ не является пословицей, но отражает возможную поведенческую установку и трансформирует семантику в ритуальную демонстрацию статуса [+СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ], [+КОНТРОЛИРУЕМАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ], исключая оценочный компонент выбора. Устойчивым способом выражения гордости в подобном контексте служит идиома 鼻が高い *hana ga takai* [27, с. 78].

Паремия *Нос с локоть, а ума с ноготь* [19, с. 288] эксплицирует антитезу внешнего и внутреннего [+ФИЗИЧЕСКИЙ ДЕФЕКТ], [+ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ]. Указанные соответствия — английская *A long nose is a sign of a short wit* [25] и японская 鼻は高くても頭は低い *hana wa takakute mo atama wa hikui* «нос высок, да голова низка» [23] не являются широко распространёнными пословицами и могут рассматриваться как потенциальные кальки. Типологически близкая идея в английской культуре парадоксально отражена в известной цитате о большом носе как признаке остроумия [17]. Универсальная модель диссонанса формы и содержания в японском языке передаётся пословицей 花より団子 *hana yori dango* ‘вместо цветов — клёцки’ (практичное vs. красивое) [22].

Диахронические пласты влияют на эмотивный код пословиц, как в *Береги нос в большой мороз* [20], изначально имевшей утилитарно-физиологический смысл [+ЗАЩИТА], [+ВЫЖИВАНИЕ], но способной приобретать ироническую коннотацию. Английская поговорка *Cold nose, warm heart* [25] ‘Холодный нос — тёплое сердце’ напрямую связывает соматизм с позитивной эмоциональностью [+ДОБРОТА], [+ВНЕШНЯЯ ОБМАНЧИВОСТЬ], выступая комплиментом. В японском языке прямой паремический аналог, связывающий физическое состояние носа с погодой или характером (по аналогии с русским *Береги нос в большой мороз* или английским *Cold nose, warm heart*), отсутствует, что образует культурно-семантическую лакуну [22]. Однако лексема *нос* реализована в идиоматике, описывающей социальное взаимодействие: выражение 鼻毛を数られる *hanage o kazoerareru* [26] буквально ‘когда тебе считают волоски в носу’ передаёт семантику гипертрофированной, навязчивой заботы [+НАВЯЗЧИВОСТЬ], [+ПАТРОНАЖ]. В отличие от русской утилитарно-физиологической семантики выживания [+ЗАЩИТА] или английской комплиментарной связи соматизма с характером [+ДОБРОТА], японская идиома акцентирует негативное социальное давление, где нос становится точкой приложения неуместного внешнего контроля, отражая культурную чувствительность к границам личного пространства [18].

Паремия *Не тычь носа в чужое просо* [19] отражает аграрно-общинную этику [+НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО], [+УВАЖЕНИЕ ГРАНИЦ]. Английский вариант *Don't thrust your nose into other men's porridge* [25, с. 152] ‘Не суй нос в чужую кашу’ восходит к литературной цитате; употребительны формулы *Mind your own business* [25] или *Don't poke your nose into other people's porridge* [25]. Японская пословица 他人の飯に鼻をつけるな *tanin no meshi ni hana o tsukeru na* [26, с. 113] ‘не суй нос в чужой рис’ служит точным эквивалентом, подтверждая универсальность концепта телесного маркера недопустимого любопытства.

Антропоморфная метафора в *Кабы у дятла не свой нос, никто бы его в лесу не нашёл* [20] подчеркивает функциональную спецификацию органа [+АДАПТИВНОСТЬ], [+ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК]. Типологически параллельная японская пословица-загадка 鶴は千年、亀は万年、啄木鳥の鼻は鍛冶屋が吹く *tsuru wa sennen, kame wa mannen, kitsutsuki no hana wa kajiya ga fuku* [23, с. 201] ‘журавль живет тысячу лет, черепаха десять тысяч, а нос дятла кузнец выковал’ придает носу символику

сверхъестественной прочности [+НЕУНИЧТОЖИМОСТЬ], [+БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ].

Таблица 1. Параметрическое сопоставление ПЕ с соматизмом нос / nose / 鼻 (hana)

Русская пословица (источник)	Английский аналог/соответствие (источник)	Японский аналог/соответствие (источник)	Ключевые дифференциальные семы
<i>Задрал нос — и кочергой не достанешь</i> [19]	<i>Hold your head high but keep your nose level</i> [24]	-	Рус: [+НЕДОСТУПНОСТЬ], [+ВЫСОКОМЕРИЕ]; Англ: [+ДОСТОИНСТВО], [+САМОКОНТРОЛЬ]
<i>Нос с локоть, а ума с ноготок</i> [19]	<i>A long nose is a sign of a short wit</i> [24]	鼻は高くても頭は低い (hana wa takakute mo atama wa hikui) [23]	Универсальные: [+ФИЗИЧЕСКИЙ ДЕФЕКТ], [+ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕФИЦИТ]
<i>Пальцы растопырил, а уши развесил</i> [20]	<i>All ears and no eyes</i> [25]	耳が早い (mimi ga hayai) [26]	Рус: [+НАИВНОСТЬ]; Англ: [+СЕНСОРНЫЙ ДИСБАЛАНС]; Яп: [+ИНФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ]
<i>У нее хоть осиновым колом в ухе верти</i> [19]	<i>It goes in one ear and out the other</i> [24]	馬の耳に念仏 (uma no mimi ni nenbutsu) [23]	Рус: [+МОРАЛЬНАЯ ГРУБОСТЬ]; Англ: [+НЕЗАПОМИНАНИЕ]; Яп: [+АБСОЛЮТНАЯ ТЩЕТНОСТЬ]
<i>Не тычь носа в чужое просо</i> [19]	<i>Don't thrust your nose into other men's porridge</i> [24]	他人の飯に鼻をつけるな (tanin no meshi ni hana o tsukeru na) [26]	Универсальные: [+НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО], [+СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ]
<i>Кто весел, а кто и нос повесил</i> [19]	<i>Laugh and the world laughs with you</i> [25]	笑う門には福来たる (warau kado ni wa fuku kitaru) [26]	Рус: [+СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАСТ]; Англ: [+ИЗОЛЯЦИЯ СТРАДАНИЯ]; Яп: [+КАРМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ]
<i>Твоя бабушка... за нос водила</i> [20]	<i>My grandmother rode your grandfather bareback</i> [24]	猿の尻笑い (saru no shiri warai) [23]	Рус: [+МАНИПУЛЯЦИЯ]; Англ: [+ФИЗИЧЕСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ]; Яп: [+СМЕХ НАД ДЕФЕКТОМ]

Как видно из Таблицы 1, семантика «носа» раскрывает ключевые различия в восприятии индивидуального поведения. Русская паремиология склонна к резко негативной оценке высокомерия и нарушений социальной иерархии, что воплощается в гиперболизированных образах недоступности или несоответствия. В английской традиции доминирует прагматичный идеал рационального самоконтроля, где «нос» становится инструментом социального поведения. Японская культура осуществляет аксиологическую инверсию: концепт «высокого носа» лишён негативной коннотации и служит маркером позитивной коллективной гордости и престижа, интегрируя телесный образ в систему групповых ценностей. Универсальные модели, такие как запрет на вмешательство, подтверждаются во всех трёх языках, но их акценты различны: от общинной этики в русском до прагматического табу в английском и японском.

Перцептивная семантика УШЕЙ демонстрирует культурно-обусловленную вариативность в интерпретации слухового восприятия (см. Табл.2). В русских поговорках связана с перцептивными ограничениями и коммуникативными рисками. Поговорка «Пальцы растопырил, а уши развесил» [20, с. 456] кодирует наивную доверчивость [+ГЛУПОСТЬ], [+ВЕРОЯТНОСТЬ ОБМАНА]. Английский аналог *All ears and no eyes* [Speake] не является устоявшейся поговоркой; релевантным идиоматическим выражением является *All ears 'весь во внимании'* или поговорка *Believe nothing of what you hear, and only half of what you see 'Не верь ничему из того, что слышишь, и только половине того, что видишь'*, также предостерегающая от излишней доверчивости. Японская идиома 耳が早い *mimi ga hayai* [26, с. 142] 'уши быстрые' несёт позитивную коннотацию информационной расторопности [+СКОРОСТЬ], [+ПОЛЕЗНОСТЬ], контрастируя с русской негативной оценкой.

Поговорка *Говорят с уха на ухо, а слышно с угла на угол!* [19, с. 725] акцентирует парадоксальную публичность тайны [+НЕСООТВЕТСТВИЕ], [+СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС]. Аналогом в английском служит поговорка *Walls have ears 'У стен есть уши'*, в расширенном варианте *Walls have ears, and hedges have eyes* [30, с. 321], где доминирует тема скрытой угрозы [+ОПАСНОСТЬ], [+НЕВИДИМЫЙ КОНТРОЛЬ]. Японская ПЕ 壁に耳あり障子に目あり *kabe ni mimi ari shōji ni me ari* 'стены имеют уши, а бумажные двери (сёдзи) — глаза' [22] усиливает мотив тотальной наблюдаемости, вводя визуально-аудиальный синкретизм [+ПАНОПТИКУМ], [+РИТУАЛЬНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ]. Антропоморфная метафора в *У брюха нет уха, Голодное брюхо кучению глухо* [19, с. 725] создаёт уникальную физиологическую аллегория базовых потребностей [+НЕОБХОДИМОСТЬ], [+ИММУННОСТЬ К УБЕЖДЕНИЮ]. Прямым английским эквивалентом служит *A hungry belly has no ears* [25] 'У голодного живота нет ушей'. Японский функциональный аналог 腹が減っては道理が引つ込む *hara ga hette wa dōri ga hikkomu* [26, с. 112] 'когда живот пуст, доводы прячутся' смещает акцент на когнитивную блокаду.

Русская ПЕ *В одно ухо входит, в другое выходит / Одним ухом спит, другим слышит* [20] кодирует семантику невосприимчивости [+ИНДИФФЕРЕНТНОСТЬ], [+НЕЗАПОМИНАНИЕ]. Её точным лексическим эквивалентом является английская поговорка *In at one ear and out at the other 'В одно ухо вошло, в другое вышло'* [20] или *It goes in one ear and out the other*. Японская 馬耳東風 *baji tōfū* 'ветер с востока для лошадиных ушей' [18] добавляет сему абсолютной экзистенциальной бесполезности [+ТЩЕТНОСТЬ], [+НЕЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ СУБЪЕКТА], заимствованную из китайской философской образности. Физиологическая метафора в *У нее хоть осиновым колом в ухе верти* [19, с. 725] гиперболизирует нечувствительность к критике

[+РАВНОДУШИЕ], [+МОРАЛЬНАЯ ГРУБОСТЬ]. Японская ПЕ 馬の耳に念仏 *uma no mimi ni nenbutsu* [23, с. 88] ‘молитва (нэмбуцу) в уши лошади’ добавляет сему абсолютной бесполезности [+ТЩЕТНОСТЬ], [+НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ], восходя к буддийской образности.

Этимологически мотивированная образность в русской поговорке *Чуть за ухо попало, так и черт ему не брат!* [20, с. 619] актуализирует каузальную связь физического воздействия (символического подзатыльника) и обретения социальной смелости [+СТИМУЛЯЦИЯ], [+ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ]. Прямых лексических параллелей в других языках она не находит. Указанная корреляция с прагматикой английской поговорки *Spare the rod and spoil the child* [25] ‘Жалей розгу — испортишь ребёнка’ через сему дисциплинарного насилия является функциональной, но не семантически тождественной: английская поговорка это общий принцип воспитания, тогда как русская описывает конкретный случайный результат («попало»). Японская поговорка 鉄は熱いうちに打て *tetsu wa atsui uchi ni ute*) [26] ‘куй железо, пока горячо’ действительно устраняет телесность, фокусируясь на универсальном принципе временной эффективности воздействия.

Философско-антропологические импликации обнаруживаются в поговорках, эксплицирующих пределы человеческого познания и изменения. Русская поговорка *Чего в голове нет, того кушам не пришьёшь* [26] утверждает когнитивную ограниченность [+НЕПРЕОДОЛИМЫЙ ДЕФИЦИТ], [+БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ]. Она семантически сопоставима с английской *You can't make a silk purse out of a sow's ear* [22] ‘Не сделать шелковый кошелек из свиного уха’, где акцент смещён на имманентное, низкое качество исходного материала. Японская поговорка 蛙の子は蛙 *kaeru no ko wa kaeru* [26, с. 98] ‘дитя лягушки — лягушка’ подчёркивает наследственную предопределённость, часто в нейтральном или констатирующем ключе, что близко к общей идее неизменности сущности.

Эсхатологическая образность в русском восклицании *Твои бы речи, да Богу в уши!* [21] кодирует утилитарное богословие [+БОГОУГОДНОСТЬ], [+ИДЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВА]. Прямых аналогов, где речь напрямую адресуется Богу, в английском и японском языках, нет, что может указывать на культурную лакуну, связанную со спецификой религиозного дискурса. По прагматике оно коррелирует с английской поговоркой *Good words are worth much and cost little* [17] ‘Доброе слово дорого стоит, а обходится дешево’, где акцент сделан на социальной ценности и экономичности «хороших слов».

Таблица 2. Параметрическое сопоставление ПЕ с соматизмом *уши / ears / 耳 (mimi)*

Русская поговорка (источник)	Английский аналог/соответствие (источник)	Японский аналог/соответствие (источник)	Лингвокультурные дифференциалы
<i>Говорят с уха на ухо... слышно с угла на угол!</i> [19]	<i>Walls have ears, and hedges have eyes</i> [Speake]	壁に耳あり障子に目あり (<i>kabe ni mimi ari...</i>) [Takanashi]	Рус: [+СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЗОНАНС]; Англ: [+СКРЫТАЯ УГРОЗА]; Яп: [+РИТУАЛЬНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ]

Русская поговорка (источник)	Английский аналог/соответствие (источник)	Японский аналог/соответствие (источник)	Лингвокультурные дифференциалы
<i>В одно ухо входит, в другое выходит</i> [20]	<i>In at one ear and out at the other</i> [Mieder]	馬耳東風 (<i>baji tōfū</i>) [Kojima]	Рус/Англ: [+НЕЗАПОМИНАНИЕ]; Яп: [+ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЩЕТНОСТЬ]
<i>У брюха нет уха. Голодное брюхо глухо</i> [19]	<i>Belly has no ears</i> [25]	腹が減っては道理が引っ込む (<i>hara ga hette wa...</i>) [26]	Рус: [+ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ]; Англ: [+НЕВОСПРИИМЧИВОСТЬ]; Яп: [+КОГНИТИВНАЯ БЛОКАДА]
<i>Жену выбирай не глазами, а ушами</i> [19]	<i>Choose a wife by your ear rather than by your eye</i> [24]	見合いの鼻は高く (<i>miai no hana wa takaku</i>) [23]	Рус: [+КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗНАНИЕ]; Англ: [+СЕНСОРНЫЙ ПРИОРИТЕТ]; Яп: [+РИТУАЛЬНАЯ СТАТУСНОСТЬ]
<i>Чуть за ухо попало... черт не брат!</i> [20]	<i>Spare the rod and spoil the child</i> [25]	鉄は熱いうちに打て (<i>tetsu wa atsui uchi ni ute</i>) [26]	Рус: [+ФИЗИЧЕСКАЯ СТИМУЛЯЦИЯ]; Англ: [+ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ]; Яп: [+ВРЕМЕННАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ]
<i>Не смыслит Вавила, ни уха, ни рыла</i> [19]	<i>He doesn't know B from a battledore</i> [24]	猿も木から落ちる (<i>saru mo ki kara ochiru</i>) [23]	Рус: [+ТОТАЛЬНАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ]; Англ: [+БАЗОВАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ]; Яп: [+УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ОШИБКИ]

Данные Таблицы 2 показывают, как интерпретация слухового восприятия варьируется от культуры к культуре. Русские паремии связывают «уши» с перцептивными рисками, будь то наивная доверчивость или парадоксальная публичность тайны, подчёркивая дисфункциональность или социальный резонанс слуха. Английская модель фокусируется на инструментальной функции ушей как фильтров в контексте индивидуалистической этики. «Уши» семиотизируются либо как канал неэффективного восприятия, либо, что более характерно, как точка уязвимости для скрытой угрозы, отражая установку на бдительность и контроль информационных рисков. Японская паремиология вплетает концепт «ушей» в сложный, ритуально-философский комплекс. Тотальная наблюдаемость приобретает характер не просто угрозы, но элемента универсального порядка. Абсолютная невосприимчивость описывается через образы высокой культурной традиции, поднимая семантику тщетности до экзистенциального уровня. Таким

образом, сопоставление подтверждает гипотезу о культурной детерминированности соматической метафорики. Идентичные анатомические референты («нос», «уши») становятся семиотическими переменными, чье значение формируется конкретным культурным контекстом. Выявленная типологическая триада — русская (акцент на социальных коллизиях и диссонансах), английская (прагматически-инструментальная) и японская (ритуально-интегративная) — служит основанием для кросс-культурной паремиологической типологии.

Заключение. На основе сопоставительного анализа корпуса паремиологических единиц, содержащих соматизмы «нос» и «уши» (см. Таблицы 1, 2), были выявлены универсальные и специфические закономерности репрезентации эмоций в русской, английской и японской лингвокультурах. Исследование подтвердило, что периферийные соматические концепты являются важными лингвокультурными кодами. Их семантика и аксиологическая окраска детерминированы глубинными культурными установками, что формирует три модели:

1. *Русская модель (парадоксально-социальная)* использует соматизмы для гиперболизированного изображения социальных коллизий. Концепт «носа» маркирует высокомерие и неудачу, а «уши» актуализируют перцептивные риски и публичность тайны, отражая внимание к диссонансам в социальном взаимодействии.

2. *Английская модель (прагматически-инструментальная)* демонстрирует утилитарное отношение к телу. Концепт «носа» связан с императивами рационального самоконтроля, а «уши» как фильтры информации и источники скрытой угрозы, что соответствует индивидуалистической этике и установке на риск-менеджмент.

3. *Японская модель (ритуально-интегративная)* интегрирует соматизмы в систему коллективных ценностей. Концепт «носа» приобретает позитивную аксиологию как маркер групповой гордости, а «уши» вплетаются в концепцию всепроницаемости социального пространства, отражая сакрализацию телесного в ритуальном порядке.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: идентичные анатомические референты функционируют как лингвосемиотические переменные, чья смысловая нагрузка вариативна и обусловлена культурным контекстом. Выявленная типологическая триада формирует основу для кросс-культурной паремиологии. Особый интерес представляют лакуны, которые служат маркерами культурной уникальности и требуют специальных стратегий перевода (функциональная замена, калькирование с пояснением).

Практическая значимость заключается в их применении в сопоставительной лексикографии (при составлении словарей паремий), в методике преподавания межкультурной коммуникации и в разработке стратегий перевода идиотичных выражений.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении типологии за счёт включения других языков (например, китайского для углубления восточной парадигмы), в проведении экспериментальных исследований восприятия соматических паремий носителями разных культур, а также в детальной диахронической реконструкции происхождения выявленных моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремии / Т.Г. Бочина // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. — М., 2015. — С. 26–47.

2. Бредис М.А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М.А. Бредис, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 3. — С. 34–43.
3. Гвоздев В.В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке : диссертация на ученой степени кандидата филологических наук / Гвоздев Вячеслав Викторович. — Москва, 1983. — 207 с.
4. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира : дис. ... д-ра филол. наук / Т.М. Гуревич. — М., 2006. — 430 с.
5. Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1154–1177. — DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке / Е.С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
8. Мокиенко В.М. Аспекты исследования славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. — М., 2015. С. 4–25.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. — М. : Наука, 1988. — 236 с.
10. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. — Ростов н/Д, 2002. — 240 с.
11. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. — М., 2017. — 269 с.
12. Хатхе А. Национально-культурная специфика во фразеологии / А. Хатхе, И. Читао, Ф. Аутлева, Н. Хуажева, М. Тешева, Р. Шхалахова // Norwegian Journal of Development of the International Science. — 2020. — № 49-3. — С. 21–23.
13. Ivanova E.V. On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology / E.V. Ivanova // Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. — 2021. — Vol. 18, No. 4. — P. 875–892. — DOI 10.21638/spbu09.2021.415.
14. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
15. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — 349 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511521256.
16. 石田 プリシラ [Исида П.] 言語学から見た日本語と英語の慣用句 [Английские и японские фразеологизмы с точки зрения лингвистики]. — Токио: Kaitakusha, 2015. — 215 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Британский национальный корпус (BNC) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 01.08.2025).
18. Быкова С.А. Японско-русский фразеологический словарь / С.А. Быкова. — 2-е изд. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 439 с.
19. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. — М. : Наука, 1984. — 616 с.
20. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко. — М. : Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
21. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.08.2025).
22. Сбалансированный корпус современного письменного японского языка (BCCWJ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pj.ninjal.ac.jp/corpus_center/bccwj дата обращения: 01.08.2025).
23. Kojima C. Nihon no Kanyouku (日本の慣用句) / C. Kojima. — Tokyo: Kodansha, 2005. — 320 p.
24. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. — Westport: Greenwood Press, 2004. — 304 p.
25. Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. — 6th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 400 p.
26. Takanashi Y. Kotowaza Jiten (ことわざ辞典) / Y. Takanashi. — Tokyo: Shogakukan, 2010. — 450 p.

REFERENCE

1. Bochina T.G. (2015). Dialogichnost' russkoi paremiki [Dialogism of Russian paremics]. Lomakina O.V. (Ed.). Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira [Paremiology in Discourse: General and Applied Issues of

Paremiology. Proverb in Discourse and Text. Proverb and Language Worldview] (pp. 26–47). Moscow, Russia. (In Russian)

2. Bredis M.A., Lomakina O.V., & Mokienko V.M. (2019). Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverb in modern linguistics: definition, status, functioning]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, (3), 34–43. (In Russian)

3. Gvozdev V.V. (1983). Mesto poslovits kak strukturno-semanticheskikh obrazovaniy v yazyke [The place of proverbs as structural-semantic formations in language] [Abstract of Candidate of Philology dissertation] (In Russian)

4. Gurevich T.M. (2006). Lingvokul'turologicheskii analiz kontseptosfery CHELOVEK v yaponskoi yazykovoi kartine mira [Linguocultural analysis of the HUMAN conceptual sphere in the Japanese linguistic world view] [Doctoral dissertation]. Moscow, Russia. (In Russian)

5. Ivanov E.E. (2023). Kategorizatsiya otnosheniya k deistvitel'nosti v paremiologicheskikh editsakh [Categorization of the attitude to reality in paremiological units]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 14(4), 1154–1177. DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177 (In Russian)

6. Kubryakova E.S. (2004). Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke [Language and knowledge: On the way of gaining knowledge about language]. Moscow, Russia: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)

7. Maslova V.A. (2001). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow, Russia: Akademiya. (In Russian)

8. Mokienko V.M. (2015). Aspekty issledovaniya slavyanskoi paremiologii [Aspects of the study of Slavic paremiology]. Lomakina O.V. (Ed.). Paremiologiya v diskurse: Obshchie i prikladnye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira [Paremiology in Discourse: General and Applied Issues of Paremiology. Proverb in Discourse and Text. Proverb and Language Worldview] (pp. 4–25). Moscow, Russia. (In Russian)

9. Permyakov G.L. (1988). Osnovy strukturnoi paremiologii [Basics of structural paremiology]. Moscow, Russia: Nauka. (In Russian)

10. Savenkova L.B. (2002). Russkaya paremiologiya: semanticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects]. Rostov-on-Don, Russia. (In Russian)

11. Seliverstova E.I. (2017). Prostranstvo russkoi poslovitsy: postoyanstvo i izmenchivost' [The space of the Russian proverb: constancy and variability]. Moscow, Russia. (In Russian)

12. Khatkhe A., Chitao I., Autleva F., Khuazheva N., Tesheva M., & Shkhalakhova R. (2020). Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii [National and cultural specifics in phraseology]. Norwegian Journal of Development of the International Science, 49(3). (In Russian)

13. Ivanova E.V. (2021). On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18(4), 875–892. DOI 10.21638/spbu09.2021.415 (In English)

14. Lakoff G., & Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago, IL: University of Chicago Press. (In English)

15. Wierzbicka A. (1999). Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge, UK: Cambridge University Press. DOI 10.1017/CBO9780511521256 (In English)

16. Ishida P. (2015). Gengogaku kara mita Nihongo to Eigo no kan'yōku [English and Japanese idioms from the perspective of linguistics]. Tokyo, Japan: Kaitakusha. (In Japanese)

Поступила в редакцию 01.11.2025 г.

SOMATIC REPRESENTATION THROUGH PERIPHERAL CONCEPTS *NOSE*, *EARS* IN RUSSIAN, ENGLISH, AND JAPANESE LINGUACULTURES (A CONTRASTIVE-COMPARATIVE ANALYSIS)

A.R. Nurutdinova

This study deals with a contrastive analysis of paremiological units in Russian, English, and Japanese. Its objective is to identify universal and culture-specific models of verbalizing emotions through the peripheral somatic concepts *nose* and *ears*. The empirical material comprises thematic proverbs and sayings from the linguocultures mentioned above. The methodology includes contrastive and seme analysis within the framework of a linguocultural approach. The results obtained demonstrate significant differences in the emotive semantics and axiological load of these somatisms. In the Russian language, the concept *nose* is primarily associated with humiliation and shame, while *ears* are linked to the non-perception of information. In English, *nose* is associated with manipulation and irritation, *ears* — with attention and trust. In Japanese, *nose* correlates with pride and anger, while *ears* are associated with shame and embarrassment. The identified differences are accounted for by the influence of linguocultural factors, including language family, specifics of the concept sphere, and socio-

psychological attitudes. The results of the study can be applied in the fields of intercultural communication, cognitive linguistics, and lexicography.

Keywords: contrastive analysis of paremias, verbalization of emotions, somatic vocabulary, peripheral somatic concepts, seme analysis, linguoculturology, paremiological equivalence, cross-linguistic differences, emotive code, the Russian language, the English language, the Japanese language, lexeme *nose*, lexeme *ears*, linguocultural factors.

Нурутдинова Аида Рустамовна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Российская Федерация, г. Казань.
Доцент кафедры контрастивной лингвистики.
ORCID 0000-0001-5759-0820
E-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru

Nurutdinova Aida Rustamovna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal University”, Russian Federation, Kazan.
Associate Professor of Contrastive Linguistics Department.
ORCID 0000-0001-5759-0820
E-mail: AiRNurutdinova@kpfu.ru